

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БАРАКА ОБАМЫ: СТАРОЕ ВИНО В НОВЫХ МЕХАХ?

© 2011 г. **В.Н Конышев, А.А. Сергунин***
Санкт-Петербургский госуниверситет

В статье анализируется стратегия национальной безопасности Б. Обамы. Проводится сравнение с аналогичными документами периода правления Дж. Буша-мл. Делается вывод, что, несмотря на некоторые новации, Стратегия-2010 соблюдает преемственность курса предшествующих администраций и отражает стремление Вашингтона придать идее американского лидерства более привлекательный вид в глазах иностранных партнёров и найти новые способы для возвращения США доминирующих позиций в мировой политике.

Ключевые слова: *национальная безопасность, Б. Обама, лидерство США, стратегия.*

Формирование стратегии национальной безопасности Б. Обамы затянулось почти на полтора года. Документ [18] был опубликован 26 мая 2010 г. и вызвал огромный интерес со стороны мирового экспертно-аналитического сообщества, которое давно ожидало, когда же новая американская администрация, пришедшая к власти в январе 2009 г., определится со своими концептуальными основами в этой области политики. По сложившейся в американской стратегической культуре традиции именно в доктрине национальной безопасности закладываются базовые принципы других важнейших компонентов международного курса Вашингтона – его внешнеполитическая и военная стратегии. Очевидно, что их содержание далеко небезразлично многим государствам мира.

Однако к разочарованию как партнёров, так и недругов США становление международного курса администрации Обамы, от которой многие игроки на мировой арене ожидали позитивных перемен (по сравнению с администрацией Дж. Буша-младшего), приобрело не только затяжной, но и во многом противоречивый характер. Так, несмотря на намёки относительно возможности сворачивания программы по созданию элементов системы ПРО в Чехии и Польше и сближению с Россией в данной сфере, подготовительные работы в этой области на первых порах были продолжены. Решение о прекращении прежней час-

* **КОНЫШЕВ Валерий Николаевич** – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского госуниверситета. E-mail: Konyshev06@mail.ru; **СЕРГУНИН Александр Анатольевич** – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского госуниверситета. E-mail: Sergunin60@mail.ru

ти программы ПРО было «озвучено» Б. Обамой лишь через восемь месяцев после прихода к власти – в сентябре 2009 года.

Вопреки неоднократным декларациям о намерении новой администрации наладить хорошие отношения с Китаем и Россией, директор Национальной разведки (в то время – Д. Блэр) заявил о намерении активизировать поиск «агентов влияния» в этих странах, с тем, чтобы сделать последние более дружественными по отношению к США [22]. Естественно, что подобные «сигналы», исходившие от новой администрации, были справедливо расценены этими двумя государствами как потенциальное вмешательство в их внутренние дела. Планы Б. Обамы снизить уровень военного присутствия США на Ближнем Востоке за счёт вывода американских войск из Ирака девальвировались активизацией военных операций и наращиванием воинского контингента США и НАТО в Афганистане.

Следует также отметить, что на первых порах международный курс Б. Обамы носил преимущественно пассивный, а не предвосхищающий характер. США просто реагировали на происходившие в мире события и не пытались сами воздействовать на их ход, за что и подверглись критике со стороны внутренней оппозиции и своих зарубежных партнёров [7, 8, 21].

Среди факторов, замедливших формирование доктрины национальной безопасности Б. Обамы и привнесших в неё элементы противоречивости и пассивности, стоит отметить следующие:

- Неопытность в вопросах внешней политики как самого президента, так и ключевых лиц, ответственных за международный курс США (госсекретарь Х. Клинтон, помощник президента по национальной безопасности Дж. Джонс, директор Национальной разведки Д. Блэр, директор ЦРУ Л. Панетта). Исключение составляли вице-президент Дж. Байден, несколько лет возглавлявший комитет по иностранным делам Сената США, и Роберт Гейтс, сохранивший за собой в новой администрации пост министра обороны (занимает этот пост с ноября 2006 г., с декабря 1991 г. по январь 1993 г. был директором ЦРУ). Многие эксперты с самого начала полагали, что на первых порах именно эти лица будут негласными руководителями американской внешней политики. Неслучайно на проходившей в феврале 2009 г. ежегодной Мюнхенской конференции по вопросам международной безопасности главой делегации США был Дж. Байден, а не Х. Клинтон.

- Внимание администрации Б. Обамы было отвлечено от формулирования стратегии национальной безопасности глобальным финансово-экономическим кризисом. Сложившаяся ситуация требовала принятия скорейших мер и часто подталкивала Вашингтон к односторонним, порой эгоистическим действиям. Это также не способствовало формированию более широкого взгляда на вопросы мировой политики.

- Над «командой» Б. Обамы довлело наследие прошлой администрации, от которого избавиться было не так-то просто. В частности, администрация Дж. Буша-мл. успела облечь в международно-правовую форму планы по размещению элементов американской ПРО в Польше и Чехии, что затруднило для Б. Обамы отказ от них. К тому же, почувствовав угрозу своим позициям, ряд политиков восточно- и центральноевропейских государств, вовлечённых в сделку по ПРО, обратились с Открытым письмом к президенту США, в котором предостерегали его от принятия односторонних мер по этому вопросу [24].

Несмотря на решительные декларации Б. Обамы о прекращении военного присутствия США в Ираке, быстро вывести американские войска из этой страны оказалось делом далеко не простым как с военно-технической, так и политико-стратегической точек зрения. Невозможно было в одночасье и повернуть вспять антиамериканские настроения, охватившие значительную часть мира после серии военных интервенций США и их союзников в течение последнего десятилетия.

- Осложнило создание стройной военно-политической стратегии администрации Обамы и то объективное обстоятельство, что для процесса становления нового мирового порядка характерна особая сложность и неопределённость. В этом смысле Вашингтон не одинок: политическое руководство других центров силы также нередко вынуждено действовать наугад, без опоры на научное предвидение и понимание закономерностей развития мировой политики. Нелишне отметить, что ведущие направления внешнеполитической мысли США находятся в состоянии интеллектуального кризиса и зачастую неспособны предложить адекватное видение как нынешних, так и будущих мировых процессов. Это касается и нелиберальной парадигмы теории международных отношений, к которой относят философско-идеологические взгляды Б. Обамы и его единомышленников.

Тем не менее, наряду с факторами, препятствовавшими скорейшему формированию стратегии национальной безопасности Б. Обамы, действовали и такие, которые в конце концов всё-таки заставили Белый дом определить свои приоритеты в области международной политики. Как это ни парадоксально, но некоторые причины, которые усложняли выработку доктрины, одновременно делала необходимым скорейшее её принятие.

Так, изменение характера войн и вооружённых конфликтов, в которых США участвовали на протяжении последних 20 лет, внесло существенное обновление в военную политику администрации Обамы по сравнению с предшествующей администрацией. В частности, ещё до опубликования новой Стратегии национальной безопасности (далее: Стратегия-2010) Р. Гейтс, представляя в сенатский комитет по делам вооружённых сил предложения Пентагона по оборонному бюджету на 2010 фин. г., подчеркнул, что военное строительство должно проходить в соответствии с реальными потребностями вооружённых сил (ВС) и угрозами национальной безопасности США, а не мифическими целями, унаследованными по инерции со времён «холодной войны» [10].

В этом направлении особый акцент делается на подготовку к противоповстанческим и антитеррористическим операциям, а не полномасштабным войнам против регулярной армии противника. Вследствие этого планируется отказ от разработки и принятия на вооружение ряда дорогостоящих боевых систем. Соответствующим образом будет продолжена реформа сил передового базирования США, развивающая планы «трансформации» Д. Расмфелда (министра обороны при Дж. Буше-мл.): упор на применение высококомобильных подразделений специального назначения, а также сил, обученных эффективно нести охрану военных и гражданских объектов в условиях высокой активности террористов. Усиление ядерной угрозы (мнимой или реальной) со стороны Северной Кореи и Ирана также заставило администрацию Обамы внести коррективы в стратегию.

Ещё одним фактором, заставившим Белый дом поторопиться с определением концептуальных основ военно-политического курса, стало усиление ряда ре-

гиональных держав, предъявивших претензии на доминирование в своём ближнем геополитическом окружении («ревизионистских держав» – по выражению некоторых американских политологов) [9]. С точки зрения американских экспертов, речь идёт, прежде всего, о России после военного конфликта с Грузией 2008 г.; Китае, который активно наращивает своё влияние в Восточной Азии и проводит интенсивную модернизацию вооружённых сил; Иране, претендующем на роль регионального лидера исламского мира в борьбе с «американским империализмом» и «мировым сионизмом»; Венесуэле при У. Чавесе [3; 11; 16].

Поскольку с самого начала «команда» Б. Обамы столкнулась со значительным ростом антиамериканизма во всём мире, который в основном явился следствием агрессивной политики Дж. Буша-мл., поэтому одной из самых приоритетных задач новой администрации стало налаживание дружественных отношений с ключевыми игроками на мировой арене, а также избавление от стереотипов, ведущих к повышению конфликтности в мире (прежде всего, от мнения, что ислам, по определению, является источником терроризма и радикализма).

Что же представляет собой новая доктрина национальной безопасности?

В первую очередь отметим, что мировоззренческой опорой Стратегии-2010 послужили неоллиберальные взгляды на природу международной политики. В частности, к особенностям современных международных отношений отнесены рост количества влиятельных игроков, в число которых включены не только государства, но и международные корпорации, организации гражданского общества и отдельные индивидуумы. Отмечается, что международные институты играют важнейшую роль в налаживании сотрудничества, а для их эффективности и соблюдения норм международного права порой не хватает политической воли. В отличие от стратегии предыдущей администрации, в новой сделан акцент на дипломатические меры воздействия при разрешении внешнеполитических конфликтов. В документе много говорится о необходимости продвижения демократических ценностей по всему миру и лидирующей роли США в этом отношении. Но, вместе с тем, следует отметить, что по наполнению идеями Стратегия-2010 так и не стала радикальным поворотом в политике безопасности сторонников неоллиберальной парадигмы.

В структуре документа выделяются две важнейшие части. В первой – «Стратегический подход» – даётся краткая оценка международной ситуации и основные принципы Стратегии-2010. Во второй части – «Обеспечение наших интересов» – названы национальные интересы и основные направления деятельности для их защиты.

Главная цель стратегии – национальное обновление для восстановления американского глобального лидерства. Лидерство подразумевает военную мощь, экономическую конкурентоспособность, моральный авторитет, активное участие в международно-политических процессах в глобальном масштабе и усилия по упорядочиванию международной системы [18, р. 7]. В документе отмечается, что США по-прежнему обладают ресурсами, которые в предыдущие десятилетия позволяли сохранять лидерство, в том числе это сильные альянсы под американским контролем, военное превосходство и самая крупная экономика. Чтобы вернуть ведущие позиции в XXI веке, необходимо заботиться, о развитии, с одной стороны, инновационной экономики, образования и американских ценностей, а с другой – инструментов влияния на международную политику, опираясь на укрепление международных организаций, развитие и соблюдение международного права, активную внешнеполитическую позицию США. В документе под-

чёркивается важная роль внутривнутриполитического аспекта стратегии национальной безопасности: «Наша сила и влияние за рубежом опирается на те шаги, которые мы предпримем у себя дома» [18, р. I, 2, 3].

Касаясь роли США в международной политике, Стратегия-2010 подтверждает тенденцию к формированию нескольких центров силы. Американское лидерство будет носить ограниченный характер, потому что ни одно государство – неважно насколько оно сильно – не может в одиночку противостоять глобальным вызовам. Именно в этих случаях США будут активно сотрудничать с другими государствами. В то же время стратегия подтверждает возможность односторонних силовых действий Соединённых Штатов для защиты собственных национальных интересов [18, р. 22].

Оценивая эти положения Стратегии-2010 с теоретической точки зрения, отметим, что они вполне укладываются в русло эволюции неолиберальной парадигмы в период после окончания «холодной войны». Так, в самом начале новой эры в развитии системы международных отношений вышла в свет книга известного американского политолога Дж. Най (при Б. Клинтоне – сотрудника аппарата СНБ) с многозначительным названием «Обречённые на лидерство. Меняющаяся природа американской силы» [19]. В этой работе Дж. Най попытался обосновать с позиций неолиберализма необходимость американского лидерства в новых условиях (исчезновение второй супердержавы, прекращение конфронтации между капитализмом и социализмом и пр.). В этом смысле уже тогда наметилась тенденция к совпадению во взглядах на современную структуру мировой политики (и роль США в последней) неолиберализма со своим извечным «противником» по теоретическим спорам – неореализмом.

В 2004 г. была опубликована работа другого известного американского политолога Ч. Краутхаммера (также с весьма красноречивым названием – «Демократический реализм. Американская внешняя политика для однополярного мира») [13]. Этот учёный выступает с позиций неореализма, питавшего своими идеями администрацию Дж. Буша-мл. Его книга подтвердила тенденцию к синтезу двух ведущих парадигм американской теории международных отношений по вопросу о лидерстве США в современной системе международных отношений. По сути дела, как отмечают сами же американские эксперты, обе школы выступают за необходимость подобного лидерства, хотя и расходятся в вопросах о его масштабах и методах обеспечения [8].

Отличия стратегии Б. Обамы от доктрины Дж. Буша-мл. Официальные лица Вашингтона (например, посол США в ООН С. Райс), представляя Стратегию-2010, всячески подчеркивали её принципиальное отличие от доктрины Дж. Буша-мл. [23]. Рассмотрим, в чём состоят претензии стратегии Б. Обамы на новизну.

Во-первых, в Стратегии-2010 подчёркивается особая роль «мягкой силы» для достижения глобального лидерства США (дипломатия, сотрудничество, международно-правовое урегулирование), либеральное содержание (признание множественности центров силы, поддержка либерально-демократических реформ в других государствах, активизация международных организаций, повышение политической роли развивающихся государств) и привлекательность по морально-ценностным ориентирам (права человека).

Во-вторых, в новом документе нет упоминаний об односторонних превентивных (*preemptive*) силовых действиях, которые проводятся без весомых доказательств об угрозе и соответствующих решений международных организа-

ций. Так, в Стратегии-2002 и Стратегии-2006* прямо объявлялось, что США «не исключают использования силы до того, как произошла атака, даже если останется неопределённость о времени и месте вражеского нападения. Когда последствия нападения с использованием ОМУ потенциально столь разрушительны, мы не можем позволить себе оставаться в бездействии до тех пор, пока опасности материализуются» [17, р. 23].

Наоборот (и это – в-третьих), в стратегии Б. Обамы подчёркивается необходимость совместных действий государств в рамках международного права и повышения в этой связи роли дипломатии. В документе отмечается, что ни одна нация не может в одиночку взять на себя бремя урегулирования вооружённых конфликтов, происходящих в мире. «С этой целью мы сделаем новый акцент на сдерживание и предотвращение путём дипломатических действий... Но если для ответа на угрозу потребуются международные силы для сохранения мира, мы будем работать вместе с международными партнёрами» [18, р. 47–48].

Наконец, Стратегия-2010 делает особый акцент на использование международных организаций для решения наиболее сложных мировых проблем. Предыдущий президент, как известно, не жаловал международные институты, предпочитая действовать помимо них. Правда, настораживает тот факт, что в Стратегии-2010 при перечислении наиболее важных международных организаций НАТО (региональная организация) стоит на первом месте, в то время как ООН, являющаяся универсальной организацией, оказалась на вторых ролях [18, р. 40].

«Новый интернационализм» Б. Обамы, получивший отражение в Стратегии-2010, вызвал противоречивые отклики в американском политико-аналитическом сообществе. Эти отклики варьировались от выражения одобрения и поддержки курса администрации (неолибералы) [14] до жёсткой критики и обвинений в стремлении Б. Обамы поставить вооружённые силы США под контроль международных организаций (неоконсерваторы) [20]. Один из критиков Стратегии-2010 особенно недоволен стремлением Белого дома добиваться продвижения национальных интересов США через ООН: «Фактом является то, что Генеральная Ассамблея ООН по большей части находится под контролем Организации Исламской конференции, а Россия и Китай регулярно используют своё право вето, чтобы препятствовать интересам США в Совете Безопасности ООН» [15].

В Стратегии-2010 подчёркивается новый подход к трактовке национальной безопасности, который основан на более тесной увязке её внутренних и внешних аспектов.

Военные (традиционные) угрозы национальной безопасности. Как указывается в документе, из внешних военных угроз наибольшую опасность для США представляет оружие массового уничтожения, особенно ядерное оружие, в случае его передачи неядерным государствам или организациям экстремистов. По сравнению с периодом «холодной войны» угроза применения ядерного оружия оценивается как более высокая. Это связано не только с сохранением больших запасов этого оружия, но и с расширением круга «ядерных» государств, появлением на «чёрных» рынках соответствующих технологий и материалов. Террористы пытаются получить ядерное оружие любым способом – создать, купить или украсть. Основные пути нейтрализации этой угрозы –

* Стратегии национальной безопасности 2002 г. и 2006 г. не имели значительных отличий.

укрепление режима ядерного нераспространения и борьба с сетью террористических организаций во главе с «Аль-Каидой». Главный фронт этой борьбы проходит в Ираке и Афганистане [18, р. 8, 23].

По содержанию спектр военных угроз остаётся широким, включая асимметричные угрозы в космосе и в киберпространстве. Потенциальный противник может оказаться государством или негосударственной организацией. Примечательно, что в разделе «Стратегическое окружение – мир как он есть» ни одно враждебное государство не названо прямо, а из организаций упомянута только «Аль-Каида» [18, р. 7–9]. Тем самым, с одной стороны, признаётся тот факт, что в современных условиях угрозы могут проистекать не только и не столько со стороны государств и созданных ими организаций, сколько иметь «сетевой» характер и включать самых разнообразных по своей природе действующих лиц. С другой стороны, включив подобную формулировку в текст доктрины национальной безопасности, стратегически США получают максимальную «свободу рук» в борьбе с реальными и мнимыми врагами. Правда, за это приходится платить крайней неопределённостью в отношении источника и содержания угроз. Один из критиков Стратегии-2010 отмечает в связи с этим: «Разве можно победить врага, которого не знаешь?» [15].

Как следствие подобного подхода, вооружённые силы США ориентированы Стратегией-2010 на подготовку к военным действиям не по принципу «кто потенциальный враг», а «как враг может атаковать». Это подразумевает их участие в полувоенных, полицейских и других акциях, когда потенциальным противником становится гражданское население. Поэтому перед Пентагоном ставится задача добиваться «превосходства в контртеррористических и контрповстанческих операциях, операциях стабильности, и, имея в виду более изолированные угрозы безопасности, – подготовить наши [вооружённые] силы к полному спектру военных операций». Из операций «полного спектра» особо выделены действия против угрозы свободному доступу США к своей военной инфраструктуре за рубежом [18, р. 14]. Эта инфраструктура обеспечивает возможность нанесения так называемого глобального удара, т.е. нанесения поражения любому противнику в любой точке планеты [4].

Данная трактовка военных угроз соответствует духу продолжающейся масштабной реформы вооружённых сил США, получившей название «трансформации», которая была начата министром обороны Д. Рамсфелдом в 2001 г. и успешно продолжается Р. Гейтсом, сохранившим, как выше уже отмечалось, пост министра обороны и при Б. Обаме.

В рамках этой реформы, которая в основном затронула обычные (нестратегические) ВС, важным приоритетом военного строительства является улучшение экспедиционных возможностей – способности войск действовать автономно на удалённом театре военных действий (ТВД). Это значит, что они должны быть готовы к проведению незапланированных операций против уклоняющегося противника, в неблагоприятных условиях, при неполноте информации о противнике и независимо от локальной военной инфраструктуры.

Другое направление состоит в ориентации на проведение «совместных операций». Они считаются наиболее эффективным видом боевых действий в настоящих и будущих войнах. Войска меняют организационную структуру по типу бригадной и получают информационно-технические средства автоматизированного управления боевыми действиями, сокращённо: 4K+PH – командование, контроль, коммуникация, компьютеры, разведка, наблюдение (*C[#]ISR*–

command, control, communications, computers, intelligence, surveillance, and reconnaissance) для достижения функциональной и организационно-штатной универсальности. Это подразумевает способность выполнить любые миссии (от гуманитарных акций до прямых военных действий) и варьировать в своём составе необходимые для конкретной операции силы и средства различных видов войск без предварительного боевого слаживания. «Совместные операции» призваны обеспечивать опережение противника в принятии решений, учитывать динамику боевых действий «в режиме реального времени» и более гибко управлять войсками [4, p. 83–95, 134–142]. В конечном счёте, в Пентагоне рассчитывают решать военные задачи относительно меньшими силами по сравнению с любым вероятным противником.

Следующим важным приоритетом проходящей в США военной реформы является создание «вооружённых сил военного времени», т.е. таких ВС, которые необходимы США в периоды ведения ими военных действий в различных частях света. Ставится задача организовать эти силы и снабдить их необходимым вооружением таким образом, чтобы они могли наиболее эффективно выполнять свои задачи [10]. По мнению американских военных стратегов, эти меры позволят приобрести США реальный военный потенциал, необходимый для выполнения стоящих перед ними конкретных боевых задач.

Что касается стратегических сил, то, как считают военные эксперты, при Б. Обаме не предусматривается их существенная модернизация. Планируется лишь (начиная с 2010 г.) постепенная замена устаревших стратегических подлодок класса «Огайо». Планы по разработке нового стратегического бомбардировщика отложены на неопределённое время. Более того, из-за естественного старения стратегических систем вооружений, а также в соответствии с требованиями заключённого в апреле 2010 г. российско-американского Договора СНВ-3 ожидается радикальное сокращение этого вида вооружений. И Россия, и США могут иметь не более чем по 700 носителей ядерного оружия, включая межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты морского базирования, размещаемые на атомных подводных лодках, и стратегические бомбардировщики. Суммарное количество боезарядов должно быть сокращено почти на треть – с 2200 до 1550 единиц.

Политика нынешней администрации в отношении ПРО остаётся не до конца определённой. Практически сразу после сентябрьского (2009 г.) заявления Б. Обамы по ПРО выяснилось, что США не собираются полностью отказываться от размещения элементов системы ПРО в потенциально опасном для иранского удара регионах. В октябре 2009 г. последовали разъяснения по поводу глобальной ПРО от заместителя министра обороны США А. Вершбоу (бывший посол в России): «Через 10 лет эта новая система будет включать элементы ПРО, которые будут базироваться и на море, и на суше. Сухопутные системы на ранних стадиях будут установлены в Юго-Восточной Европе, позже – в Центральной и Северной Европе. Польша – первый кандидат на размещение элементов новой системы ПРО» [1]. В 2010 г. начались работы по размещению на севере Польши (в 70 км от Калининградской области) нескольких батарей ПВО «Пэтриот» для прикрытия системы ПРО. По сообщению министра обороны Польши С. Комаровски, последовало также предложение США разместить в Польше командные пункты для управления ракетами *SM-3* морского базирования для тех же целей [1].

Что же касается системы ПРО, направленной против потенциальной ракетной атаки со стороны Ирана, то речь идёт о возможном скором размещении наземного противоракетного комплекса *THAAD* в Турции, Израиле, Румынии и ПРО морского базирования *SM-3* (для перехвата ракет меньшей и средней дальности на начальной и полётной траектории полёта), устанавливаемых на эсминцах «Иджис» (*Aegis*) в акваториях Средиземного и Чёрного морей. В принципе высокая мобильность позволяет размещать системы ПРО морского базирования практически в любой точке Мирового океана. Дальность действия радаров, устанавливаемых на «Иджис», составляет 500 км. По заявлению заместителя председателя Комитета начальников штабов (КНШ) Дж. Картрайта, в 2018 г. планируется разместить ракеты *SM-3 block-2* (с увеличенной дальностью перехвата) в Средиземном море, в Персидском заливе и в морях Северной Европы [6].

Кроме того, ведутся работы по созданию лазерного оружия, причём в качестве несущей платформы используется Боинг-747. Ряд специально оборудованных самолётов такого типа сможет перехватывать ракеты в радиусе нескольких сот километров. В перспективе лазерное оружие может использоваться не только для мониторинга в прибрежной зоне, но и в случае пусков баллистических ракет со стратегических подводных лодок.

Хотя все указанные системы относятся к классу ТВД, т.е. нестратегических, не следует приуменьшать их значимость. Отработанные по отдельности, они затем послужат лишь элементами в планах создания национальной, а потом и глобальной ПРО, включающей космические, воздушные, морские и наземные компоненты. Такая система планируется как эшелонированная, когда средства поражения разделены на эшелоны по типам целей и рубежам перехвата (*Layered Versatile Adaptive System, LVAS*). Для этого в США разрабатываются две системы спутников (на высокой и на низкой орбите (*SBIRS – High, Space-Based Infrared System* и *STSS – Space Tracking And Surveillance System*), которые предназначены для обнаружения, сопровождения и определения параметров ракетных пусков. Спутниковые системы, снабжённые лазерной системой связи, будут отслеживать перемещение мобильных наземных объектов в инфракрасном диапазоне. Это позволит вести наблюдение при плохой погоде. Отрабатываются также технологии для размещения лазерного оружия в космосе. Считается, что развёрнутая в космосе группировка из 12 боевых лазеров будет способна перехватить пять пусков баллистических ракет в глобальном масштабе или десять пусков на территории одного ТВД [12]. Некоторые из этих программ приостановлены из-за недостатка финансирования и технических проблем. Но планы по созданию глобальной ПРО в США пока не отменяли. В этом смысле сегодняшний диалог по проблеме ПРО следовало бы вести не в надежде на добрую волю президентов Б. Обамы и Д. Медведева, а с учётом перспектив военной стратегии США, направленной на создание инфраструктуры для нанесения быстрого «глобального удара» на поражение – в любых условиях, по любому противнику и в любой точке планеты.

Невоенные (нетрадиционные) угрозы. В соответствии со Стратегией-2010 угрозой экономической безопасности США является возможность нового мирового кризиса. Это требует определённых шагов во внутренней политике и на международной арене. В частности, речь идёт о смещении фокуса на форум экономического сотрудничества в рамках Группы 20 (*G-20*), включающий развивающиеся государства. Стабильность международной системы связывается

с достижением баланса между спросом и предложением товаров на мировых рынках. Баланс видится в том, чтобы «Америка больше накапливала и экспортировала, а развивающиеся экономики наращивали спрос на товары». Для этой цели, как отмечается в Стратегии-2010, будут использованы двусторонние и многосторонние соглашения по торговле. Кроме того, несбалансированность отношений, а с ней и уязвимость США, повышается зависимостью от внешних источников углеводородов [18, р. 4, 8].

Этот раздел Стратегии-2010 не может не вызвать некоторого недоумения, так как традиционной внешнеэкономической доктриной США в последние десятилетия (независимо от того, находилась у власти демократическая или республиканская администрация) было так называемое фритредерство (свобода торговли). Суть этой стратегии (несмотря на отдельные исключения во внешнеэкономической политике тех или иных американских администраций и ограниченности применимости принципа фритредерства в отношении, главным образом, членов ВТО) заключается в обеспечении свободы конкуренции в сфере мировой торговли и максимальной ликвидации протекционистских препонов как со стороны самих США, так и их зарубежных торговых партнёров. Указанная же формулировка, по сути дела, предполагает возврат к принципам меркантилизма, казалось бы, прочно забытому рудименту XVII–XVIII веков. Очевидно, что в условиях глобального финансово-экономического кризиса США больше не уверены в своей способности выдержать свободную конкуренцию на мировых рынках и пытаются защититься от натиска конкурентов с помощью протекционистских мер.

Угрозами для внутренней безопасности также названы терроризм, широко-масштабные кибератаки, естественные катастрофы, изменение климата и пандемии. Поскольку невозможно предотвратить каждую конкретную угрозу, необходимо развивать «эластичность» американского общества – способность адаптироваться к меняющимся условиям и быстро восстанавливаться от понесённого ущерба [18, р. 18]. Особую важность имеет защищённость киберпространства, поскольку от этого зависит и гражданский (личностная безопасность, экономика, торговля, инфраструктура жизнеобеспечения), и военный сектор.

Национальные интересы. Национальные интересы США сформулированы всего в четырёх пунктах [18, р. 15]:

- Безопасность США, их граждан, а также американских союзников и партнёров. Особое внимание уделено Большому Ближнему Востоку, где США намерены по-прежнему опираться на союз с Израилем и содействовать мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. Завершение военных операций в Ираке намечалось, как указано в документе, к августу 2010 г., что в основном и было осуществлено. Оставлено около 50 тыс. американских военнослужащих «для содействия постепенной передачи всех полномочий иракским властям». США также намерены добиваться изменения курса политического руководства Ирана под угрозой усиления его изоляции.

- Процветание, основанное на сильной, инновационной и растущей национальной экономике в условиях открытой международной экономической системы. Экономическое процветание – источник влияния США в мире в самом широком смысле, так как оно питает военную мощь и гарантирует успех дипломатии государства. Основные приоритеты, которым будет уделяться внимание – образование, энергетика, наука и технология, медицинское обслуживание. Конкурентоспособность в этих сферах на мировом уровне сделают

США более привлекательными для инвестиций и притока специалистов. Важнейшую задачу предстоит решить в энергетике – диверсифицировать источники поставок, инвестировать в инновации, использовать технологии, не загрязняющие окружающую среду.

- Уважение универсальных (демократических) ценностей на собственной территории и по всему миру. Как подчёркивается в документе, в основе лидерства США всегда был моральный авторитет, основанный на верности демократическим идеалам и свободам. Авторитет строился на силе примера, а не навязывании своей системы. Падение авторитета США в последние годы связано с отступлениями от этого принципа самими американцами. Ценностями нельзя жертвовать ради безопасности, иначе будет подорвано и первое, и второе.

- Международный порядок, улучшенный за счёт американского лидерства, которое обеспечит мир, безопасность и сотрудничество перед лицом глобальных вызовов. Как и после Второй мировой войны, перед США ставится задача создания международной системы, основанной на определенных правилах. Государства обязаны следовать этим правилам, либо окажутся в изоляции. Наряду с использованием санкций и изоляцией США должны усиливать имеющиеся альянсы и военную мощь [18, р. 9–10, 12, 17, 24–26].

Обращает на себя внимание тот факт, что американское лидерство объявлено безусловно положительным, стабилизирующим фактором мироустройства. В тексте новой стратегии национальной безопасности не разграничиваются по приоритетности национальные интересы США, союзников и дружественных государств. Само понятие безопасности также используется в широком смысле, без разделения на военную и невоенную составляющие. Не указаны критерии, по которым будут оцениваться необходимость и пропорциональность силовых действий в защиту национальных интересов. Настораживает также установка администрации Обамы на то, чтобы считать США воплощением универсальных ценностей, которые должны быть (во чтобы то ни стало?) распространены по всему миру. Из новейшей истории хорошо известно, чем оборачивались подобные «крестовые походы» как для тех стран и регионов, которые подвергались «демократизации», так и для самих США. Любопытно, что во вступительном комментарии к документу Б. Обама признаёт тот факт, что в период «холодной войны» не раз бывали со стороны США случаи «перенапряжения сил», которого нужно избегать в нынешних условиях [18, р. ii]. К тому же, подобный акцент на универсализм во внешней политике вряд ли будет способствовать снижению антиамериканских настроений в мире – задаче, которую перед собой поставила администрация Обамы.

Согласно Стратегии-2010, условия применения военной силы распространяются на защиту США и их союзников, а также – мира и безопасности в региональном и глобальном масштабе, включая случаи гуманитарных кризисов. При проведении военно-силовых действий Вашингтон намерен искать широкую международную поддержку, работая с такими институтами как НАТО и ООН. Кроме того, США сохраняют за собой право на односторонние действия при чётком указании на необходимость силовой акции, её целей и возможных последствий [18, р. 22]. Очевидно, что, описывая условия применения силы столь расплывчатым образом и по существу обходя вопрос о легитимности, США оставляют за собой возможность максимальной гибкости в принятии решений по использованию военной силы.

Отношения с другими центрами влияния. Стратегия-2010 не устанавливает особой системы региональных приоритетов международного курса Б. Обамы. Единственный регион, чья значимость подчеркнута особо – это Большой Ближний Восток. Остальные региональные приоритеты «растворены» в разделах документа, посвящённых функциональным направлениям стратегии национальной безопасности США. Несмотря на отсутствие особо выраженной региональной составляющей Стратегии-2010, очевидно, что нынешняя администрация не собирается радикально менять курс предыдущих правительств. Налицо определённое снижение интереса Вашингтона к Европе, несмотря на риторику, содержащуюся как в самом документе [18, р. 22], так и в выступлениях американских руководителей относительно важности этого региона мира для стратегических интересов США [2].

По мнению подавляющей части экспертов (как отечественных, так и зарубежных, как настроенных дружественно по отношению к Б. Обаме, так и критически), главная «головная боль» США – это «азиатское направление»: страны, испытывающие влияние исламского радикализма; войны в Афганистане и Ираке; антиамериканские настроения в Пакистане; иранская ядерная проблема; палестинский узел [5]. Этому направлению и будет уделять администрация Обамы основное внимание в обозримом будущем.

Помимо своих традиционных союзников, главным образом, по линии НАТО, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии (причём Израиль формально не назван в качестве союзника) и Северной Америке, США намерены строить партнёрские отношения с такими государствами, как Китай, Индия (эти две страны названы на первом месте в разделе о сотрудничестве с «другими центрами влияния», Россия (ей отведено второе место), а также с набирающими мощь Бразилией, ЮАР, Индонезией. Как подчёркивается в Стратегии-2010, эти отношения будут учитывать взаимозависимость в современном мире и не должны строиться по принципу игры с «нулевой суммой» [18, р. 13]. По существу за этим стоит признание роста влияния государств, имеющих быстроразвивающиеся экономики.

Что касается российского направления политики Вашингтона, то следует признать, что Стратегия-2010 принималась на фоне значительных усилий администрации Обамы по «перезагрузке» отношений между двумя странами и определённых достижений в этой сфере, в первую очередь – существенного прогресса в области контроля над вооружениями, а также налаживания тесных личных отношений между их президентами. Вместе с тем, язык раздела Стратегии-2010, посвящённого России, весьма сдержан и наполнен «шпильками» в адрес Москвы. Например, там содержится недвусмысленный намёк на то, что США заинтересованы в «сильной, мирной и процветающей» России, но только, если она «уважает международные нормы» [18, р. 45]. Тут же подчёркивается решимость США отстаивать «суверенитет и территориальную целостность соседей России». В снисходительном тоне говорится об американской поддержке внутрироссийских реформ (обеспечение верховенства закона, подконтрольность государства обществу, усвоение универсальных ценностей и пр.). Содержится настойчивое напоминание о давнем американском требовании к Москве: принять более активное участие в борьбе с экстремизмом в Афганистане. Всё это не может не вызывать определённой настороженности у российской стороны относительно искренности позиции администрации Обамы и её готовности к дальнейшему углублению сотрудничества с Москвой.

* * *

Стратегия национальной безопасности 2010 г. была принята в условиях, когда в США оставался нерешённым ряд серьёзных проблем внутренней и внешней политики. Многие из них остаются нерешёнными до сих пор: экономический кризис и его последствия не преодолены, ситуация в Афганистане и Ираке нестабильна, Б. Обама сталкивается со значительным сопротивлением республиканцев в обеих палатах Конгресса, которое возросло после их успеха на ноябрьских выборах 2010 г., падением своей популярности среди населения и снижением авторитета США в мире. В то же время ключевые фигуры администрации президента не имеют единой концептуальной ориентации по разрешению назревших проблем. Это и наложило отпечаток противоречивости на стратегическую доктрину США.

С одной стороны, импонирует стремление авторов Стратегии-2010 избавиться от негативных черт политики Дж. Буша-мл., в числе которых – ставка на односторонние действия и «силовые» методы при решении тех или иных мировых проблем; игнорирование международных организаций и норм международного права; невнимание к таким глобальным проблемам, как разоружение, охрана окружающей среды, преодоление разрыва в социально-экономическом развитии Севера и Юга; прессинг России «по всему полю», включая поддержку недружественных по отношению к Москве режимов в соседних странах. Стратегия-2010 делает акцент на необходимость мирного решения даже самых сложных мировых проблем, на многостороннее сотрудничество с участием всех заинтересованных стран и международных организаций, преодоление национального эгоизма.

С другой стороны, доктрину справедливо критикуют за несколько абстрактный характер. В ней много теоретизирования, мало конкретики (особенно по военно-политической стратегии). Отсутствует чётко определённая система региональных приоритетов США в сфере международной безопасности. Настораживает некоторая туманность в определении источников внешних угроз национальной безопасности, что оставляет Вашингтону свободу рук в данной области, включая использование силы в международных отношениях. Вряд ли для мирового сообщества приемлемы претензии США на роль носителя универсальных ценностей, который, вдобавок ко всему, ещё и собирает экспортить их по всему миру.

Одним словом, складывается впечатление, что Стратегия-2010 отражает стремление администрации США придать идее американского лидерства более привлекательный вид в глазах иностранных партнёров и найти новые способы возвращения Вашингтону доминирующих позиций в мировой политике.

Список литературы

1. Бонусы от Patriota (www.vx.ru/politics/2009/10/7/334969.html).
2. Выступление госсекретаря Х. Клинтон в Военной академии в Париже 29.01.2010 (<http://www.america.gov/st/peacesec-russia/2010/February/20100201111759eaif.html>).
3. Интервью с С. Бланком: Прогноз упадка (<http://www.washprofile.org/ru/node/8497>)
4. *Коньшев В.Н.* Военная стратегия США после окончания холодной войны. – СПб.: Наука, 2009. – 178 с.

5. *Мирский Г.Н.* Америка и мир при Бараке Обаме // *Общественные науки и современность*, 2009. № 5. – С. 1–16.
6. ПРО 2.0: перезагрузка (www.vz.ru/society/2009/17/328606.html).
7. *Саймс Дм.* Неясная перезагрузка // *Wider Europe Review*, 23.07.2009.
8. *Cohen E.* What's Different About the Obama Foreign Policy? // *The Wall Street Journal*, 2.08.2009.
9. *Davidson J.* The Roots of Revisionism: Fascist Italy, 1922–39 // *Security Studies*. 2002. Vol. 11. No. 4. P. 125–159.
10. Fiscal Year 2010 Budget Request. Statement Submitted by Secretary of Defense Robert M. Gates to the Senate Armed Services Committee. Washington, 27.01.2009 (<http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=1337>).
11. *Gardner H.* Prospects for the Transatlantic Relationship under the Obama Presidency: Towards a Transatlantic Strategic Council. May 2010. Washington, 2010 (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf).
12. Independent Working Group On Missile Defense, The Space Relationship & Twenty-First Century. Report 2007. Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis, 2007. – P. 23–26.
13. *Krauthammer Ch.* Democratic Realism. An American Foreign Policy for a Unipolar World. Washington: The American Enterprise Institute Press, 2004. – 21 p.
14. *MacAskill E.* Barack Obama sets out security strategy based on diplomacy instead of war // *The Guardian*, 27.05.2010 (<http://www.guardian.co.uk/world/2010/may/27/us-national-security-strategy-report>).
15. *May C.* Sins of Omission in Obama's National Security Strategy // *Scripps Howard News Service*, 3.06.2010 (<http://www.cliffordmay.org/7553/obama-national-security-strategy>).
16. Military Power of the People's Republic of China 2009. Annual Report to the Congress. Office of the Secretary of Defence.
17. National Security Strategy of the United States. Washington, 2006.
18. National Security Strategy of the United States. Washington, May 2010.
19. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. – 336 p.
20. Obama Announces Unrealistic National Security Strategy (<http://www.thefoxnation.com/international/2010/05/26/obama-announces-unrealistic-national-security-strategy>).
21. Obama's Foreign Policy: Is This Change We Can Believe in? Working Paper No. 32 of the European Security Forum. Brussels: The Centre for European Policy Studies, 2009. – 24 p.
22. *Pincus W.* DNI Nominee Blair Talks of Opportunities for Statecraft // *The Washington Post*. 26.01.2009.
23. *Sanger D., Baker, P.* New U.S. Security Strategy Focuses on Managing Threats // *The New York Times*. 27.05.2010.
24. *Wider Europe Review*. 23.07.2009.